

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2021.97.74.032

Институт гражданской конфискации и конфискация криптовалюты**Исмаилов Исмаил Шапурович**

Кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана Юридического факультета
по дополнительному профессиональному образованию
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 49;
e-mail: ISHIsmailov@fa.ru

Прасолов Валерий Иванович

Кандидат политических наук, доцент,
доцент Департамента экономической безопасности
и управления рисками Факультета экономики и бизнеса
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 49;
e-mail: VIPrasolov@fa.ru

Волконский Валентин Александрович

Магистр экономики,
помощник руководителя Департамента экономической
безопасности и управления рисками Факультета экономики и бизнеса
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 49;
e-mail: VAVolkonskij@fa.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы зарубежного опыта гражданской конфискации имущества, авторы делают упор на конфискацию криптовалют как одного из наиболее проблемных видов изъятия преступных доходов. В первую очередь обращено внимание на возможность отслеживать движение виртуальных и других активов легализующихся в экономике западных стран. Конфискация неправомερных доходов является одним из самых действенных правовых инструментов борьбы с транснациональной организованной преступностью и коррупцией. Многие международные договоры, ратифицированные Россией, содержат рекомендации о конфискации. Для изучения использования института конфискации криптовалют применяется сравнительный анализ законодательства зарубежных стран и накопленный российский опыт правоприменения в исследуемой сфере. Результаты данного исследования должны способствовать развитию российского законодательства, применению прогрессивных тенденций с учетом ошибок и недостатков в мировой законотворческой практике. Проведенный анализ мирового опыта конфискации виртуальных активов, не имеющего подтверждения законности его приобретения

показывает, что меры конфискационного характера, наряду с другими мерами уголовного преследования имеют высокую эффективность в борьбе с преступностью и прежде всего в незаконном обогащении.

Для цитирования в научных исследованиях

Исмаилов И.Ш. Прасолов В.И. Волконский В.А. Институт гражданской конфискации и конфискация криптовалюты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 10А. С. 288-294. DOI: 10.34670/AR.2021.97.74.032

Ключевые слова

Конфискация криптовалют, законодательство зарубежных стран, правомерность приобретения, частная собственность, правоприменительная практика.

Введение

Тенденция постоянного роста числа преступлений с использованием виртуальных активов, незащищенность частных лиц от данного вида преступных посягательств, конечно, диктуют необходимость разработки механизмов правового регулирования и контроля за оборотом виртуальных активов. Современное состояние регулирования оборота виртуальных активов не может оцениваться положительно. Российские власти намерены создать механизм конфискации криптовалют, который бы позволил правоохранительным органам изымать цифровые валюты у граждан. Основным способом реализации механизма могли бы стать международные соглашения в сфере контроля над оборотом и эмиссией криптовалют. На международном уровне необходимо разработать определение юридического статуса виртуальных активов, а также единые стандарты для определения процедур, связанных с их оборотом. В этой связи научный интерес представляет зарубежный опыт и накопленная российская правоприменительная практика в вопросах контроля оборота виртуальных активов и конфискации криптовалют при признании их неправомерности приобретения.

Основная часть

В практике зарубежного законодательства институт конфискации имущества применяется длительное время. Наибольшее распространение она получила в США более 60 лет применяется в Италии, все большее число государств принимает законодательные акты о гражданской конфискации. В их числе: Австралия, Антигуа и Барбуда и другие карибские юрисдикции, Канадские провинции Онтарио, Альберта, Саскачеван, Британская Колумбия, Манитоба; Фиджи, Колумбия, Ирландия, Малайзия, Нидерланды, Новая Зеландия, Филиппины, Южная Африка, Великобритания. Сегодня широкое обсуждение получила инициатива внедрения внесудебной конфискации и передачи имущества в Пенсионный фонд в России. Поэтому зарубежный опыт гражданской конфискации будет интересен и актуален для научно-практического рассмотрения.

Важно отметить, что в зарубежном праве существует кардинально отличающийся от российского подход к конфискации имущества - в российском праве нет аналогов зарубежным порядкам гражданской конфискации, не требующей обвинительного приговора и установления вины лица в совершении преступления.[Кузнецова, 2018, 27-37] Ключевым признаком для проведения конфискационных мероприятий является не связь данного имущества с конкретной

противоправной деятельностью, то есть конкретным правонарушением, а наличие подозрений в законности происхождения имущества или денежных средств, а также в принципе ведение противоправной деятельности лицом, у которого конфискуется имущество. Более того, в отечественном законодательстве содержится ряд смежных конфискации понятий, в том числе «безвозмездное изъятие имущества» и «обращение имущества в государственную собственность». Границы между этими категориями законодательно не проведены, а сама конфискации уже достаточно давно сложилась как межотраслевой институт, так как понятие конфискации в том или ином виде содержится в Гражданском кодексе (ст. 243 ГК РФ), Уголовном кодексе (ст. 104.1 УК РФ) и Кодексе об административных правонарушениях (ст.3.7 КоАП). Тем не менее, единственным однозначным сходным принципом конфискации во всех отраслевых конструкциях является безвозмездность, тогда как остальные признаки и принципы вызывают дискуссии. Одним из ключевых принципов конфискации, которой должен быть закреплен во всех нормативных актах, в которых содержится такое понятие, является принудительность конфискации, выраженной в форме изъятия – именно этот термин является более подходящим, в то время как термин «обращение» не отражает полностью сущность данного института.[Ochnio, 2016, 19] Спорной также является и позиция о возможности изъятия имущества лишь у собственника, которой придерживается законодатель в гражданском законодательстве, так как в других отраслях допускается изъятие имущества из незаконного владения, которое не обладает свойствами исключительности, необходимыми для существования цивилистической конструкции права собственности. Также действующее нормативное регулирование несколько противоречит само себе по вопросам изъятия имущества не у самого правонарушителя – во-первых, конфискации, в соответствии с гражданским законодательством, все-таки является основанием для прекращения права собственности, во-вторых, конфискации подразумевает принудительное изъятие имущества именно правонарушителя по конкретному деянию. Мировая же практика исходит из возможности изъятия имущества не у самого правонарушителя и не по конкретному правонарушению, в первую очередь, по отношению к преступлениям коррупционной направленности, которые могут проявиться в нескольких деяниях, а полученное в их результате имущество – быть распределено между многими лицами.[Михайлов, 2020] Обратим внимание, что в российском гражданском праве нет аналогов известной зарубежным правовым порядкам гражданской конфискации, не требующей обвинительного приговора и установления вины лица в совершении преступления и применяемой за «необъяснимое богатство».[Министерство Финансов РФ, 2019]

В Российской Федерации практика гражданской конфискации не настолько велика как в зарубежных юрисдикциях как по причине больших нормативных и процессуальных ограничений и сложностей, так и по причине проведения политики, мотивирующей граждан самостоятельно легализовывать имущество, происхождение которого является сомнительным, но о котором пока неизвестно самому государству. В России уже на протяжении нескольких лет проходят процессы налоговой амнистии и амнистии капитала, позволяющие резидентам добровольно задекларировать имущество на основе норм Федерального закона от 08 июня 2015 года № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Собственно, некоторый парадокс феномен конфискации и вызывает в контексте проведения налоговых амнистий и амнистий капитала. В зарубежных странах (Великобритании, США и др.)

вывезенный за границу российский капитал сомнительного происхождения конфискуют у их владельцев, а в России аналогичный капитал у их владельцев узаконивается. В соответствии с законом, добровольное декларирование подразумевает освобождение от уголовной, налоговой, административной ответственности за определенные противоправные деяния (в том числе, за уклонение от уплаты таможенных платежей или уклонение от уплаты налогов и сборов), что исключает и возможность для какой-либо конфискации, а факт подачи спецдекларации и документов к ней, а также содержащиеся в них сведения не могут использоваться в качестве доказательств по делу об административном или налоговом правонарушении, а также по уголовному делу (если лицо само не похотает о приобщении этих материалов к делу).[Министерство Финансов РФ, 2019] Отметим также, что амнистия распространяется только на деяния, совершенные до 1 января 2019, так как на данный момент завершается уже третий этап амнистии, стартовавшей еще в 2015 году.[Орлов, 2019, 19-32] Безусловно, такого рода амнистии не предусмотрены по отношению к имуществу, приобретенному коррупционным путем, то есть с использованием служебного положения или властных полномочий. Тем не менее, серьезная надобность в подобных явлениях была вызвана еще и повышающимся секционным давлением, которое значительно ограничило возможности использования капитала отечественного происхождения за рубежом. В том числе это выразилось и в потенциальной конфискации или заморозке капитала, о происхождении которого правообладатель не сможет предоставить сведения. Ключевой целью амнистии является борьба с оттоком капитала, а также сопутствующая тому деофшоризация.[Долгиева, 2018, 45-49] Это борьба заключается также и в создании «пути назад» для тех, чьи активы оказались на грани конфискации в зарубежных юрисдикциях.

Безусловно, еще одной ключевой проблемой для конфискации является усложнение способов хранения имущества и появление новых финансовых инструментов и решений. С развитием финансовых технологий появилось большое количество способов сокрытия собственных активов. Безусловно, отследить наличие у конкретного лица недвижимости или денежных средств на банковских счетах в нынешних условиях вполне возможно. Информация о владельцах недвижимости содержится в реестрах, а даже если денежные средства находятся в зарубежных банках, всё активнее развиваются инструменты взаимнообмена информацией о банковских счетах между налоговыми органами, а иногда и напрямую кредитными организациями (классический пример – Закон США «О налогообложении иностранных счетов», Foreign Account Tax Compliance Act – FATCA). Одним из явлений, заметно усложнившим возможности для поиска незаконно нажитого имущества, стали криптовалюты, правовой статус которых по-разному регламентирован в зарубежных государствах. В связи с тем, что долгие годы до появления полноценного нормативного регулирования, криптовалюты не были никак регламентированы в нормативных правовых актах, возможности для их законного изъятия у лица в случае обнаружения факта его участия в преступной деятельности также были довольно-таки спорны.

Несмотря на это, в повестке дня правительств зарубежных стран вопросы конфискации криптовалюты, связанной с отмыванием денег, стоят очень остро в связи с большим преимуществом преступности по обмену криптовалютой через анонимные криптобанкоматы, путем использования специальных программ-микшеров, когда средства просто "перемешиваются" в сети и преступные доходы действительно становятся анонимными.[EuroPol, 2018]

Например, в ведении правоохранительных структур США находятся конфискованные

цифровые активы в криптовалюте, эквивалентной примерно 1 млрд долларов США. Законодательство США предусматривает упрощенную процедуру продажи конфискованного при расследовании преступлений имущества.

Европол при поддержке Гражданской гвардии Испании в июне 2018 г. конфисковал более 4,5 млн долларов в биткоинах и других криптовалютах, а также 800 тыс. доз ЛСД у наркоторговцев из Даркнета. Агентство по борьбе с отмыванием денег Таиланда также с сентября 2018 г. рассматривает вопрос создания собственного криптовалютного кошелька для хранения конфискованных цифровых активов, поскольку в государстве нет норм, позволяющих изымать криптовалюту, в связи с чем преступники продолжают владеть и распоряжаться криптовалютами, находясь в тюрьмах.

Выводы

Общепринятое понимание различает гражданскую и уголовную парадигмы конфискации имущества, не имеющего подтверждения правоприменения его приобретения. В последние годы появился новый инструмент правоприменения – конфискация активов без вынесения обвинительного приговора - для борьбы с определенными формами преступной деятельности, в частности виртуальными валютами. Однако подход, не основанный на вынесении обвинительного приговора, не вполне вписывается в общепринятую гражданско-уголовную дихотомию. Скорее, он представляет собой гибридный процесс, в котором уголовно-правовые цели преследуются в гражданском процессе. И, учитывая, что конфискация активов, не основанная на осуждении, действует за пределами сферы в уголовном процессе усиленная процессуальная защита, предусмотренная в уголовном процессе, удобно отодвигается на второй план, что делает подход, не основанный на осуждении, особенно привлекательным для полиции и органов прокуратуры. Однако такой подход порождает ряд проблем, связанных с ущемлением прав личности в пользу заботы об эффективности и целесообразности. Учитывая энтузиазм исполнительной власти в этом отношении, судам остается обеспечить, чтобы уголовное наказание не было назначено без необходимых процессуальных действий защиты. Однако, к сожалению, суды потерпели неудачу в этом отношении и слишком легко присоединились к исполнительной классификации судопроизводства по доходам от продажи криптовалют. Процесс законодательного закрепления как понятийного аппарата виртуальных активов, так и правоприменительной практики требует дальнейшего совершенствования.

Библиография

1. В Таиланде три банка подозреваются в махинациях с криптовалютой Интернет ресурс <https://letknow.news/news/v-tailande-privdumali-chto-delat-s-konfiskovannoy-kriptovalyutoy-10229.html> (дата обращения: 02.10.2020);
2. Долгиева М.М. Конфискация криптовалюты // Законность. 2018. N 11. С. 45 – 49;
3. Какие гарантии предоставляются участникам амнистии капитала? // Азбука права: электронный журнал. 2020. № 33614;
4. Кузнецова О.А., Степанов В.В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 27 – 37;
5. Орлов М., Гольцблат А., Щекин Д., Брызгалин А., Мачехин В., Илиев А., Степанчук М., Шиенок И., Чарикова Л., Констандина Е., Рудоманов Н. Амнистия капитала 3.0 // Закон. 2019. N 3. С. 19 – 32;
6. Письмо Минфина России от 19.09.2019 N 03-12-12/72257 «Об освобождении от ответственности при подаче специальной декларации в ходе третьего этапа декларирования»;
7. Фешина С.С., Кабанова Н.А., Боташева Л.Х. Анализ рисков ОД/ФТ по отраслевому признаку в условиях трансформации финансовой архитектуры // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и

- управление производством. 2019. № 4 (42). С. 61-64;
8. Feshina S.S., Konovalova O.V., Sinyavsky N.G. Industry 4.0 transition to new economic reality//Studies in Systems, Decision and Control. 2019. Т. 169. С. 111-120;
 9. Ochnio A.H. Implementation of the New EU Directive on Confiscation in Poland: The Challenge of Overcoming the Negative Historical Experiences of Confiscation Orders // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 2016. Vol. 24. Iss. 1. P. 19;
 10. Police seize more than EUR4.5 million in Europe's biggest lsd bust <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/police-seize-more-eur-45-million-in-cryptocurrencies-in-europe's-biggest-ever-isd-bust> (дата обращения: 03.10.2020);
 11. Prasolov, V.I., Kolesnikova, A.S. Aspects of crypto currency's legislative regulation Utopia y Praxis Latinoamericana 2018 23(82), P. 262-268.

Civil confiscation institute and cryptocurrency confiscation

Ismail Sh. Ismailov

PhD in Legal Sciences, Associate Professor,
Deputy Dean of the Faculty of Law for Additional Professional Education
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ISHIsmailov@fa.ru

Valerii I. Prasolov

PhD in Political Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Security
and Risk Management of the Faculty of Economics and Business
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: viprasolov@fa.ru

Valentin A. Volkonskii

Master of Economics,
Assistant Head of the Department of Economic Security
and Risk Management, Faculty of Economics and Business
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49 Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: VAVolkonskij@fa.ru

Abstract

The article examines the issues of foreign experience of civil confiscation of property, the authors emphasize the confiscation of cryptocurrencies as one of the most problematic types of seizure of criminal proceeds. First of all, attention is paid to the ability to track the movement of virtual and other assets legalized in the economy of Western countries. Confiscation of improper proceeds is one of the most powerful legal instruments in the fight against transnational organized crime and corruption. Many international treaties ratified by Russia contain confiscation

recommendations. To study the use of the institution of confiscation of cryptocurrencies, a comparative analysis of the legislation of foreign countries and the accumulated Russian experience of law enforcement in the studied area are used. The results of this study should contribute to the development of Russian legislation, the application of progressive trends, considering the errors and shortcomings in world lawmaking practice. The analysis of the world experience of confiscation of virtual assets, which does not have confirmation of the legality of its acquisition, shows that confiscatory measures, along with other measures of criminal prosecution, are highly effective in the fight against crime and, above all, in illegal enrichment.

For citation

Ismailov I.Sh., Prasolov V.I., Volkonskii V.A. (2020) Institut grazhdanskoi konfiskatsii i konfiskatsiya kriptovalyuty [Civil confiscation institute and cryptocurrency confiscation]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 10 (10A), pp. 288-294. DOI: 10.34670/AR.2021.97.74.032

Keywords

Confiscation of cryptocurrencies, legislation of foreign countries, legality of acquisition, private property, law enforcement practice.

References

1. In Thailand, three banks are suspected of fraud with cryptocurrency Internet resource <https://letknow.news/news/v-tailande-pridumali-chto-delat-s-konfiskovannoy-kriptovalyutoy-10229.html> (date of access: 02.10.2020) ;
2. Dolgieva M.M. Confiscation of cryptocurrency // *Legality*. 2018. N 11.P. 45 - 49;
3. What guarantees are provided to participants in the capital amnesty? // *ABC of law: electronic journal*. 2020. No. 33614;
4. Kuznetsova O.A., Stepanov V.V. Interdisciplinary legal nature of property confiscation // *Journal of Russian law*. 2018.No. 2.P. 27 - 37;
5. Orlov M., Goltsblat A., Shchekin D., Bryzgalin A., Machekhin V., Iliev A., Stepanchuk M., Shienok I., Charikova L., Konstandina E., Rudomanov N. Capital Amnesty 3.0 // *Law*. 2019.N 3.P. 19 - 32;
6. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 09.19.2019 N 03-12-12 / 72257 "On exemption from liability when submitting a special declaration during the third stage of declaration";
7. Feshina S.S., Kabanova N.A., Botasheva L.Kh. Analysis of ML / TF risks by industry basis in the context of financial architecture transformation // *Izvestiya vysshikh educational institutions. Series: Economics, finance and production management*. 2019. No. 4 (42). S. 61-64;
8. Feshina S.S., Konovalova O.V., Sinyavsky N.G. Industry 4.0 transition to new economic reality // *Studies in Systems, Decision and Control*. 2019.Vol. 169, p. 111-120;
9. Ochnio A.H. Implementation of the New EU Directive on Confiscation in Poland: The Challenge of Overcoming the Negative Historical Experiences of Confiscation Orders // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2016. Vol. 24. Iss. 1. P. 19;
10. Police seize more than EUR4.5 million in Europe's biggest lsd bust <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/police-seize-more-eur-45-million-in-cryptocurrencies-in-europe's-biggest-ever-isd-bust> (date accessed: 03/10/2020);
11. Prasolov, V.I., Kolesnikova, A.S. Aspects of crypto currency's legislative regulation *Utopia y Praxis Latinoamericana* 2018 23 (82), P. 262-268.